

В. Дольник
Homo militaris

Из всех форм коллективного поведения людей самое отвратительное — почти не знающая запретов агрессия против особей своего вида — биологическая основа такого загадочного и неисправимого явления человеческого сообщества, как взаимоистребительная война.

В каком веке после очередной опустошительной бойни люди не клялись друг другу в том, что минувшая война — последняя? Древние мыслители относили войну к естественным свойствам человечества. Вывод пессимистический, но зато определенный. В века просвещения и гуманизма эта точка зрения стала непопулярной. Войну стали рассматривать как проявление свободной воли людей, даже утверждали, что никаким животным она не свойственна, что это чисто человеческое явление. Что войны прекратит либо всеобщее просвещение само по себе, либо опосредованно, через создание такого страшного оружия (сколько надежд возлагалось на пулемет и динамит, например), которое само остановит войны.

В XX веке с этой надеждой пришлось расстаться. Ни один пророк XIX века не предвидел, что наш век будет не только самым кровавым, но и самым разнообразным по типам войн — от мировых до родовых и племенных.

Осознав это, А. Эйнштейн незадолго до начала второй мировой войны в открытом письме З. Фрейду задал вопрос: не имеет ли война каких-то иррациональных, подсознательных корней? Фактически это означало бы вернуться от модных в прошлом веке геополитических и экономических объяснений феномена войны к точке зрения античных авторов. Фрейд ответил, что, по его мнению, в основе войны лежат древние инстинкты агрессии и разрушения, а все формы ее подачи — расовые, национальные, экономические, идеологические, религиозные — всего лишь разные формы рекламной упаковки, камуфляж. В мирной обстановке человек вынужден подавлять в себе эти инстинкты, а их проявление наказуемо. Война позволяет реализовать их открыто, более того, она такое поведение не только прощает, но и героизирует. Поэтому у противников грядущей войны мало шансов ее предотвратить.

Однако Фрейд тут же высказал надежду, что по мере торжества культуры войны будут угасать. Тут следует заметить, что З. Фрейд был, как сказали бы биологи, «ламаркист»: он думал, что инстинкты могут изменяться под воздействием среды, от упражнения усиливаться, а от неупражнения — ослабляться.

Ныне биологи знают, что инстинктивные программы передаются из поколения в поколение с генами и от неупражнения никуда не деваются. Коль скоро за способность и склонность человека убивать и воевать ответственны врожденные программы, то лучше нам о них знать, и чем больше, тем лучше. Причем многое может дать сравнительный метод — изучение не только человека, а и многих других видов животных со сходными или родственными программами поведения. А это предмет этологии.

Агрессивное поведение животных

За несколько последних десятилетий, начиная с работ Конрада Лоренца, создателя этологии, зоологи довольно хорошо разобрались в природе агрессивного поведения. Оно имеет свои законы, заранее совсем не очевидные. Главные из них следующие. Агрессия возникает изнутри и накапливается. При отсутствии раздражителя агрессия все равно реализуется, переадресуясь либо более слабым особям, либо неживым предметам. Агрессия и страх взаимосвязаны. Агрессия всегда сопровождается приступом страха, а страх может перерасти в агрессию. Появление или приближение другой особи своего или чужого вида, если намерения ее не ясны, вызывает настороженность — легкую форму страха, а если намерения не проясняются, страх возрастает, а вместе с ним и агрессивность. Если ситуация и дальше не прояснится, то ничего другого не остается, как либо убежать, либо напасть первым, применив имеющееся в наличии оружие (и рискуя напороться на оружие встречного животного).

Чтобы избежать схватки, животные имеют программы демонстрации намерений: ведь если намерения незнакомца мирные, мне нечего его бояться, и программы демонстрации оружия и способов его применения. Обычно демонстрация оружия столь наглядна, что ясна даже представителям иных видов. Мне, человеку, все ясно не только тогда, когда мне угрожает другой человек или горилла, но и когда козел и сова, и ящерица, и пчела. В очень многих случаях демонстрации угрозы достаточно, чтобы избежать схватки. Даже многих потенциальных хищников удается остановить, приняв позу угрозы. Поэтому развитое агрессивное поведение, включающее в себя много угроз и пугающих действий, полезно для вида. А для хорошо вооруженных видов — просто спасительно. Вот почему Лоренц утверждал, что хорошо оформленное агрессивное поведение — одно из замечательных созданий естественного отбора, что по существу оно гуманно. Человек относится к высокой степени агрессивным видам, и в этом нет ничего плохого. Наша беда - в другом.

Равновесие между вооружением и моралью

Есть много видов, вооружение которых так сокрушительно, а приемы применения столь молниеносны, что настоящая боевая стычка между соперниками закончилась бы смертью одного из них, а то и обоих. Вспомните хотя бы ядовитых насекомых и змей. Поэтому неудивительно, что у подобных видов естественный отбор вырабатывает запрет применять оружие во внутривидовых стычках. Систему инстинктивных запретов, ограничивающих поведение животных, этологи вслед за Лоренцем называют естественной моралью. Она тем сильнее, чем сильнее от природы вооружено животное. При территориальной стычке два варана поднимаются на задних ногах — кто выше встанет, толкают друг друга и даже кусают (они не ядовиты). Ядовитые змеи тоже поднимаются, кто выше встанет, и толкаются, но не кусают. Гремучники держат приоткрытые пасти, как пистолеты, но не разят друг друга зубами. А гадюки угрожают, отвернув смертоносные головы. Их

поединки — настоящие турниры со строгими правилами. Многие виды муравьев ведут настоящие войны. В сражении с чужим видом они применяют всю мощь оружия, но в стычках с соседним муравейником своего вида ограничиваются турнирной борьбой.

Вот два тяжеловооруженных медовых муравья столкнулись на границе владений. Каждый стремится встать как можно выше на вытянутых ногах. Сойдясь, они соприкасаются антеннами, чтобы проверить запах, а затем встают бок о бок головой к брюшку соперника и тянутся «на цыпочках» вверх. Кто смог встать выше, тот и победил.

Они могут химическими сигналами созвать товарищей. Тогда в турнире победят те, кто сможет выставить больше борцов. Врожденная мораль категорически запрещает тяжеловооруженным медовым муравьям применять оружие в территориальных стычках с особями своего вида.

У хорошо вооруженных животных есть и способ прекратить поединок, если один из противников устал. Он резко меняет позу: оружие складывает или прячет, свой рост преуменьшает и подставляет для удара противнику самое уязвимое место. Моральный запрет срабатывает у победителя, как удар тока, — весь его гневный пыл испаряется, а нанесение коронного удара замещается ритуальной демонстрацией превосходства: побежденного можно похлопать по спине, подергать за волосы, попать ногой и т. п.

Проанализировав много видов, Лоренц более пятидесяти лет назад сделал потрясающий по простоте вывод: как правило, сила моральных запретов соответствует силе оружия. У мощно вооруженных видов сильная мораль, а у слабовооруженных — слабая. Ведь последние не могут причинить соперникам серьезного ущерба, даже если подерутся всерьез. Человек и его ближайшие предки были слабо вооруженными животными, даже укусить (в отличие от обезьян) и то толком не могли. Поэтому у него изначально слабы инстинктивные запреты, слаба естественная мораль.

Врожденные запреты у человека соответствуют этому древнему состоянию. Но впоследствии он начал создавать и совершенствовать оружие и стал самым вооруженным видом на Земле. Мораль же почти не изменилась. Потому что оружие мы совершенствуем с помощью разума, который способен прогрессировать стремительно, а врожденные запреты совершенствует естественный отбор, работающий неизмеримо медленнее. Религии и культура стараются компенсировать разрыв, но получается это у них не в должной мере. Беда человека не в его высокой агрессивности, а в его недостаточной изначальной моральности. Проигравший стычку человек тоже складывает оружие и принимает одну из поз подчинения. Но сработает ли в должной мере у победителя запрет «не бей лежащего» и «повинную голову меч не сечет», предсказать заранее невозможно.

Освобождение от запретов

У многих видов запрет применять оружие без острой необходимости действует и по отношению к чужим видам. Крупный и сильный зверь не атакует всех подряд. Вы можете долго донимать собирающего нектар шмеля, а он будет лишь уклоняться или пугать. Чтобы он ужалил, нужно поставить его в безвыходное положение. В случае же острой необходимости — при нападении другого вида, посягательстве на гнездо, детенышей и т. п. — оружие применяется в полной силе. Запрет перестает действовать, снимается.

Не было бы ничего удивительного в том, что и у людей запреты переставали действовать, когда они подвергались нападению другого вида или когда нападали сами (например, при охоте). Судя по современным данным, по-настоящему начал охотиться только разумный человек, всего лишь несколько десятков тысяч лет назад, а его предки не были охотниками на крупного зверя. С нападением другого вида временная картина обратная: разумный человек за пределами Африки не имел специализировавшихся на нем хищников, зато на Черном континенте они, в первую очередь леопард, есть и были в течение всей истории предков человека. В Восточной Африке одновременно обитало несколько видов австралопитеков и людей, но конфликтовали ли они, мы не знаем. Вывод: человек так давно не имел достойных объектов для применения своих агрессивных инстинктов, что, возможно, эти инстинкты легко переадресуются на особей своего же вида. Тогда одним из иррациональных мотивов войны может быть якобы отражение нападения хищников, сопровождающееся снятием запретов.

Но у многих видов запреты снимаются и в отношении особей своего вида, если срабатывает программа разделения на «своих» и «чужих». В отношении первых запреты действуют в полной мере, а в отношении вторых — слабее или вообще даже снимаются. Животное обычно хорошо знает «своих» — это могут быть родители, братья и сестры, партнеры по стае, обитатели общей территории и т. п. Пока биологическая емкость среды достаточна, отношение к «несвоим» может быть терпимым и даже благожелательным. Но если из-за роста численности популяции или уменьшения емкости среды возникает ощущение дискомфорта, сопровождающееся учащением агрессивных стычек, то возникает субъективное ощущение, что «нас что-то слишком много» и «тут кто-то лишний». Сигнал «тут кто-то лишний» запускает программу «найди своих и отделись от чужих, вместе со своими прогони чужих». Если свои и чужие есть в действительности (например, на одном пастбище смешались два стада, и им стало тесно), ясно, и кто чужой, и что нужно делать. Но в экспериментальных условиях легко удастся скрыть, кто свой, а кто — чужой, и тогда животные разделяются по любым второстепенным, в том числе и ложным признакам.

К чему приводит поиск «наших»?

В благоприятной обстановке люди обычно относятся к «несвоим» мирно, часто проявляют интерес, а иногда и симпатии. При ухудшении обстановки отношение резко меняется на враждебное. У людей программа «научись узнавать своих» начинает действовать очень рано. Уже в возрасте нескольких месяцев ребенок начинает своим улыбаться, а на чужих хмурить бровки, делает рукой движение

«прочь!», кричит. И позднее этот поиск продолжается. Разделите детей на несколько дней, на две случайные группы по любому признаку — и тотчас они начинают считать компаньонов по группе своими, а другую группу — чужой. И тут же по отношению к чужим начнут проявлять агрессивность и нарушать моральные запреты. К сожалению, мы поддаемся воздействию этой программы всю жизнь, выделяя своих — одноклассников, соседей, сослуживцев, земляков, единомышленников — и так без конца.

На этой программе нас ловили и ловят демагоги, натравливая на людей иного облика, класса, культуры, национальности, религии, взглядов. Этологи всегда предупреждали, что разделение людей на «наших» и «ненаших» — преступно, ибо оно снимает в человеке инстинктивные запреты не наносить ущерба ближнему, а освобожденный от них человек не просто жесток, он изощренно жесток, способен изобретать такие страдания «чужому», до которых бы не додумалось ни одно животное. Совершенно ясно, что существование программы разделения на «своих» и «чужих» — иррациональная причина большинства междоусобных конфликтов. В наши дни всякий может ежедневно видеть по телевизору, что междоусобная война «наших» и «ненаших» — самая жестокая, бессмысленная и аморальная.

Что могло бы остановить реализацию этой инстинктивной программы? Во-первых, появление настоящих, биологически подлинных чужих. Нападение другого вида животных, скажем. Если бы на Землю напали марсиане, человечество тут же бы объединилось. Во-вторых, лишение материала для разделения. В сущности в этом смысл идеи Христа о воспитании каждым человеком в себе чувства любви к любым людям, и в первую очередь — к отличным от тебя и далеким тебе. С этой задачей религия и церковь справлялись не более чем «на тройку с двумя минусами», ибо в основе любой религии все равно лежит разделение людей на «своих» и «чужих». Тогда остается только светский путь — законодательное ограничение активности тех, кто под любыми, пусть даже самыми благовидными предлогами проповедует или насаждает противопоставление и разделение людей по любому признаку.

В прошлом определенного успеха в этом достигали некоторые империи, как в Европе и Азии, так и в Мезоамерике. Римляне, например, оккупировали некоторые погрязшие в бесконечных вооруженных конфликтах племена, разоружали их, изымали воинственную часть племени, а остальных полупринудительно приучали к мирному труду и образу жизни. Эта процедура называлась цивилизацией — переводом на гражданский образ жизни. Российская империя сыграла ту же роль для многих включавшихся в ее состав территорий. Имперский вариант замирения имеет два недостатка: во-первых, империя не вообще устанавливает мир, а переносит войну со всей своей территории на свои границы, а во-вторых, цивилизуемые народы особой благодарности к цивилизаторам не испытывают и терпят их, пока метрополия так богата, что может давать подвластным народам много благ. Когда же империи нечего послать подчиненным народам, кроме своих солдат, империя разваливается. Это прекрасно знали и древние римляне, и древние китайцы.

В наш век по сходному сценарию, но на мировом уровне, пыталась действовать Лига Наций, а позднее — ООН. Их опыт показывает, что если войны между небольшими государствами предотвращать или останавливать удастся, то войны «наших» с «ненашими» пресечь очень трудно: и те, и другие не считаются ни с какими правилами, договорами, резонами, «голубыми касками» и т. п., а ввод

международных войск воспринимают просто как прекрасный повод повоевать с ними.

Расизм — порождение неуправляемых инстинктов

У клетки обезьян хохочет толпа людей. Чем примитивнее люди, тем громче хохот. Что же делают обезьяны? Нет, они не смешат нас, - они живут обычной жизнью, почти не обращая внимания на людей, к которым давно утратили интерес за годы жизни в зоопарке. Что заставляет людей смеяться? Они видят знакомые, «наши» движения и мимику в карикатурном, «ненашем» исполнении. И это не случайно. Многие животные близких видов карикатурны, противны друг другу.

Вот два вида чаек. Внешне они похожи, и их легко спутать друг с другом не только нам, но и самим чайкам. Мешает этому программа этологической изоляции видов: они карикатурны, противны друг другу по поведению. С чайкой другого вида, очень похожей внешне, «не вытанцовывается», она все делает не так, как ждешь, как будто нарочно путает все «па» ритуальных движений, рассчитанных на опознание своей особи. Это вызывает у особи близкого вида все более нарастающее раздражение, и поначалу казавшийся возможным брак расстраивается.

Этологи называют это этологической изоляцией близких видов. Многие животные, чем они генетически ближе, тем более карикатурны, противны друг другу. Зачастую естественный отбор «специально» усиливает различия в поведении у похожих видов, меняя местами отдельные позы ритуальных движений. И не допускает этим их смешения, особенно создания смешанных пар. Тот же механизм этологической изоляции срабатывает и в людях.

Но на сегодня мы не имеем в природе такого вида, с которым могли бы случайно скреститься. Хотя для древней инстинктивной программы это не имеет значения: такие виды были раньше (был момент, когда в саваннах Восточной Африки обитало одновременно не менее трех видов рода человека и не менее трех видов очень близкого рода австралопитек) и могут быть в будущем (за менее чем сто тысяч лет разумный человек в процессе расселения и географической изоляции начал образовывать расы, которые, не будь эта изоляция нарушена с помощью изобретения средств преодоления водных и прочих преград, проэволюционировали бы сначала до уровня подвидовых различий, а позднее — и видовых).

Вот уже более ста лет в США нет-нет да и затевается очередной «обезьяний процесс». В стране, где родители решают, чему учить их детей в школе, время от времени находится местечко, где родители вновь и вновь требуют отменить преподавание теории Дарвина о происхождении человека. «Я знаю все ваши аргументы, но мне глубоко противна мысль о происхождении от обезьян; она для меня унижительна, и я не хочу, чтобы мои дети такое узнали», - заявил родитель на одном из последних «обезьяньих процессов». Очень четко. А вам, мой любезный читатель, разве не противно? Сейчас в нашей стране — с формальным объявлением об отказе от марксистских догм — среди тех, кто связан с программами обучения школьников, наблюдается то же самое. Уйма людей требует сохранить преподавание теории Дарвина в кастрированном и извращенном виде, «по-марксистски».

Например, давать приматов, один из самых древних и примитивных отрядов млекопитающих, в конце курса зоологии, как вершину эволюции, а человека давать не как одного из приматов, а как особое, почти внебиологическое, невероятно для живой природы совершенное и ни на что не похожее творение.

Ну почему от обезьян? За что такое наказание?! Не обидно было бы произойти от леопардов, львов, барсов, волков, медведей, орлов... От муравьев — и то не так уж худо: славные воины Ахиллеса назывались мирмидоняне, потомки муравьев, и носили это самоназвание с гордостью. Многие другие народы выводили себя в своих преданиях от перечисленных выше животных и были этим довольны. Один мой читатель написал мне, что у него есть доказательства о происхождении человека от дельфинов. О происхождении от инопланетян мечтает немало людей. И мне, сказать по правде, происхождение от обезьян не по нутру: как зоолог я знаю много неприятных мне черт в их поведении. И все же и в этом наука меня утешает: ведь мы с вами, узнав, что такое этологическая изоляция близких видов и подвидов, поняли, что от кого бы мы ни произошли, мы бы были на него похожи, и он оказался бы карикатурой на нас.

Этот эффект генетических программ — одна из причин того, почему этологи не любят писать о человеке в популярной литературе: потом только отбивайся от защитников человека. И передо мной сейчас стоит эта проблема: два у меня читателя, Благосклонный, которому чем больше правды поведаешь, тем ему интереснее, и Неблагосклонный. Со вторым беда: он и умный, и начитанный, и заинтересованный, словом, прекрасный, но он не приемлет ни темы, ни подхода, потому что сам факт биологической природы человека для него обиден. В этом вопросе для него «тьмы пошлых истин нам дороже нас возвышающий обман».

За что же этологов ругали, а кое-где и запрещали? За многое. За открытие природы агрессивности, за открытие иерархии, за открытие первичной, не человеком созданной морали... Но больше всего — за объяснение расовой, национальной и культурной неприязни на основании ошибочного действия механизма этологической изоляции близких видов и подвидов.

Читатель уже догадался сам. Ну, конечно же, при контакте с не похожими на нас людьми срабатывает программа реакции на близкий вид или свой подвид: неприятие. Расы человека по поверхностным признакам различаются больше, чем многие близкие виды. У человека и внутривидовые различия, связанные с традицией, культурой, одеждой, прической, религией, могут быть столь заметны, что бессознательно принимаются за межвидовые. А различия в языке? Ничтожные по биологическому существу, но достаточные для полного или частичного непонимания по форме, они точно укладываются в программы поведенческой изоляции: многие виды птиц внешне неотличимы, но разделены разной формой песен.

В отношении языка даже виден в развертке механизм реакции на видовые и подвидовые различия: если совсем непонятный язык (для русских — эстонский, китайский или чукотский) нам просто непонятен, то более близкий язык (литовский, таджикский, немецкий) уже вызывает неприятие в отношении «не того» употребления знакомых корней и слов, а совсем близкие языки (сербский, польский, болгарский и тем более украинский и белорусский) воспринимаются просто как смешные, как пародия на русский. Многие писатели — от Гоголя до Шолохова —

одним включением украинизмов в русский текст успешно вызывали и вызывают приступы веселья у миллионов читателей.

Поэтому настороженная реакция на чем-то не похожих людей неизбежна для нас и биологически нормальна. И настороженность к образованию смешанных пар тоже. У расовой и национальной неприязни есть врожденные корни. Тут деться некуда. Какой по этому поводу более пятидесяти лет назад поднялся крик! «Этологи подводят естественно-научную базу под расизм!»

Как раз все наоборот. Этологи показали, что расовое и национальное неприятие имеет в своей основе сбой поведенческой программы, рассчитанной на другой случай — на видовые и подвидовые различия. Расизм, грубо говоря, и есть звериный инстинкт, к тому же не туда направленный, заблуждение поведенческих стереотипов, из-за которого любым, даже совершенно ничего не значащим различиям придается громадное и всегда отрицательное значение и который упорно избегает доводов разума.

Значит, слушать расиста нечего. Он говорит и действует, находясь в упоительной власти все знающего наперед, но ошибшегося инстинкта. Все, что он наговорит, напишет или наделает, — заведомо ложно и абсурдно. Спорить с ним бесполезно: инстинкт логики не признает. Его следует просто пресекать, а если он очень активен, то и изолировать от средств воздействия на других людей. Весь последующий опыт человечества, к сожалению, подтвердил, что этологи были правы. К расизму нельзя относиться как к точке зрения, имеющей право на существование. К нему нужно относиться, как к заразной болезни. Получив в свои руки созданные в XX веке средства массовой информации, расисты умудрились бросать в пламя расовых конфликтов даже самые культурные и уравновешенные народы, столь эта ошибка заразна.

Биологи всегда твердили и твердят: как и у всех других видов на Земле, генетическое разнообразие человечества, включая все его внешние формы, в том числе и не наследуемые (вроде культуры, языка, одежды, религии, особенностей уклада) — самое главное сокровище, основа и залог приспособляемости и долговечности. В перспективе биологического времени существования вида нам не дано знать, кто «прав», а кто — нет, кто отстал, а кто зашел в тупик или идет не туда. Только максимальное разнообразие, сохранение всего, что способно сохраниться — надежный путь к устойчивости вида. Неприятие расизма должно состоять не в том, чтобы отрицать его корни, а в том, чтобы обуздывать ошибки в наших программах поведения, развивать в себе благожелательный интерес к непохожим людям, то есть «на всю катушку» раскручивать программу, которую еще Аристотель назвал «общительной природой человека».

К чести биологических инстинктов заметим, что подлинно расовые войны никогда не были заметным явлением в истории человечества. Их подменяли войны, в которых на первый план выдвигались внегенетические, внебиологические различия людей по ненаследуемым признакам — языку, культуре, религии, традициям.

С чего начинается родина

Одно из замечательных достижений зоологов в конце нашего века — раскрытие природы территориальной привязанности, некоей любви и верности родине, проявляющееся у самых разных животных из самых отдаленных филогенетических групп. Среди позвоночных животных она есть у многих видов рыб (кто не знает о верности родине лососей или угрей), земноводных, пресмыкающихся (вспомните морских черепах), птиц и млекопитающих. Это явление было открыто и изучено на перелетных птицах, улетающих с родины на тысячи километров осенью, чтобы весной с точностью крылатой ракеты вернуться домой. В ходе многочисленных и остроумных экспериментов зоологи выяснили, что в основе «филопатрии» — любви к отечеству — у перелетных птиц лежит генетически запрограммированный механизм запечатления в определенном младенческом возрасте образа того места, где птица в этом возрасте оказалась, его координат и признаков. Механизм запечатления — импринтинг — подобен фотографированию: на заданной стадии индивидуального развития, на заданное время «фотоаппарат» открывается для экспозиции, и что он запечатлеет, то и будет твоей родиной на всю оставшуюся жизнь. Отныне для тебя нет ничего прекраснее и дороже; ее виды, какими бы они ни были по сравнению с тем, что ты, птица, увидишь, странствуя по миру, — самые прекрасные, даже запах родины — ни с чем не сравнимый запах. Что бы с тобой ни случилось, куда бы ты ни попала, стремись на родину...

Многие зоологи не без основания считают, что запечатление родины свойственно, среди многих других млекопитающих, и человеку. Оно происходит в возрасте шести-двенадцати лет. Почти каждый из нас, если только родители без конца не перевозили нас с места на место, имеет свою маленькую родину. Мы любим ее бессознательной любовью, и учить нас этой любви не надо. Это маленькая точка на карте, место, где я родился и провел детство. Объективно говоря, не хуже и не лучше тысяч других мест, но для меня — единственное, особенное и ничем не заменимое.

Образ этой родины, ее запахи, ее звуки человек помнит до гробовой доски, даже если он с юности туда не возвращался. Но вернуться тянет всю жизнь, особенно в конце. Вдали от нее все, что с ней связано, волнует. Упомянули родную деревеньку по радио — и радостно слышать. Услышал в толпе родной говорок — и готов броситься на шею земляку, человеку, ничем более не примечательному. А уж если с ним разговоришься, начнешь расспрашивать, вспоминать родные места — все готов для него сделать. А постороннему человеку мы о нашей маленькой родине ничего интересного сказать не умеем, их не трогает наш рассказ. И как много с нашей точки зрения потеряли те, кто в силу обстоятельств (переезды, жизнь круглый год среди однотипных бетонных домов и т. п.) не сумел запечатлеть родину, не реализовал свою инстинктивную программу...

Но у этой программы есть и другая сторона: заменив понятие моей маленькой индивидуальной родины территорией, занятой государством, меня очень просто заставить и на нее перенести свою любовь и привязанность. Так появляется Родина — огромная страна, а в ней сто на десять языцев, из которых я владею лишь одним, тысячи городов, в большинстве из которых я не был, сотни рек, в которых я не купался, и даже много морей, которых я не видел, и скорее всего, так и не увижу. Ради процветания этой в сущности никогда не виданной нами Родины мы трудимся, ради нее терпим невзгоды и готовы умереть, защищая ее границы.

У большинства населения это расширение понятия «родина» происходит естественно, само собой, ведь предки человека, да и разумный человек, были стадными животными, имели коллективную территорию своего стада. И любили ее и защищали — без всякого идеологического воспитания. Это еще можно поспорить, приносят ли люди, избравшие для себя источником дохода «воспитание подрастающего поколения в духе любви к Родине», какую-то пользу или и без их деятельности все было бы почти так же. Но ясно, что экзальтация патриотизма — опасный путь, ибо он противопоставляет, сталкивает людей.

Кстати, еще древние греки отметили, что профессиональные патриоты — по своему происхождению чаще всего апатриды, не здесь родившиеся и выросшие. Для апатридов любовь к родине — пустой звук (у них нет биологически запечатленной родины), и они думают, что эту любовь нужно в себе культивировать, разжигать и навязывать остальным. У патридов же с родиной все в порядке, их не нужно «учить любить родину». Последних всегда большинство, и их достаточно, чтобы на деле проявить патриотизм, когда внешняя агрессия этого потребует. (Вспомните хотя бы русских крестьян в момент нашествия Наполеона.) Быть громко кричащим о себе «патриотом», упрекающим других в недостатке патриотизма, было просто и выгодно во все времена. Положение же людей, исповедующих единство человека как вида, очень часто вело на Голгофу.

«ЗС» #1-3/1994

[1] 2

<http://www.follow.ru/article/263>